

ИЗМЕНЕНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ РОССИЯН ПОД ВЛИЯНИЕМ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

.....

О. А. Фокина¹

Статья посвящена анализу трансформационных процессов в постсоветской России и их влиянию на потребление россиян. Трансформационные процессы рассматриваются через изменение в потребительском рынке, стратификационной структуре современного общества и ментальности российских граждан. Автор приходит к выводу, что современная противоречивая практика потребления в России сложилась под влиянием экономических преобразований (переход к рынку) как следствие исторически сложившегося мироощущения российского гражданина.

Ключевые слова: потребление, потребности, социальная трансформация, трансформация потребительского сознания.

The article is devoted to the analysis of transformational processes in post-Soviet Russia and their influence on the consumption of the Russians. Transformational processes are observed through changing in consumption market, stratification structure of modern society and the Russian citizens mentality. The author comes to the conclusion that modern and rather contradictive activity of consumption in Russia has built up under the influence of both economical changes (transition to market economics) and mentality of a Russian citizen.

Key words: consumption, needs, social transformation, transformation of consumptive mentality.

Современная рыночная экономика России во многом является результатом «скоротечной перестройки» (Ю. А. Левада) 1980-1990-х гг. С одной стороны, в результате экономических реформ российской элитой была практически бесплатно приватизирована основная часть государственной собственности, в результате чего основная масса населения страны оказалась отчужденной от национального богатства страны. Привычная для большинства россиян

---

¹ Фокина Ольга Анатольевна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Волгоградского филиала Российского государственного университета туризма и сервиса. Эл. почта: olfa60@yandex.ru

система централизованного планирования и материально-технического снабжения исчезла, а ее заменили рыночные механизмы. С другой стороны, легитимизация частной собственности позволила наполнить потребительский рынок, ликвидировать очереди за жизненно необходимыми товарами и услугами, приобретать жилье в частную собственность, открывать собственное дело и т. д. Советский Союз остался в истории, а современная Россия вошла в третье тысячелетие с грузом тех социально-экономических противоречий, которые достались ей от прежней сверхдержавы в результате сложнейших изменений в экономике, социуме, культуре.

Ряд исследователей (Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Ю.А. Левада, В.В. Локосов, А.В. Мартынов, М.А. Шабанова, В.А. Ядов и др.) связывают произошедшие изменения с понятием «социальная трансформация», ни генеральное направление, ни конечные результаты которой до конца не ясны. «Под социальной трансформацией понимается обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но в то же время радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы, или социетального типа общества» [4, с. 197].

Главным содержанием экономической трансформации в России следует считать формирование институтов рыночной экономики, что позволило преодолеть экономическую стагнацию советской системы хозяйствования в последние десятилетия советской власти, ориентированную на поддержание военно-промышленного комплекса. Пренебрежение потребителями интересами советских граждан привело к массовому дефициту жизненно необходимых товаров и услуг, вылившемуся в конце 1980-х гг. к талонной системе распределения. Специалисты Института философии РАН отмечают, что за годы советской власти сложился тотальный комплекс отчуждения, который выразился не только в том, что произошло отчуждение подавляющего числа граждан от управления страной, трудящихся от результатов своего труда, утрата гражданами личной безопасности, правдивой информации, но и отчуждение производства от потребностей населения, приведшее к тотальному дефициту жизненно необходимых товаров и услуг [10, с. 64-69]. В мае 1982 г. Советом министров была принята Продовольственная программа, которая должна была решить проблему бесперебойного снабжения населения продуктами питания к 1990 г., однако плановая экономика СССР не смогла выдерживать системных нагрузок. К 1985 г. около 250 наименований вошло в список остродефицитных продуктов, а к началу 1990-х г. он вырос почти в два раза [11, с. 340-341]. Моющие средства (мыло, стиральный порошок), масло, сахар, табачные изделия и алкоголь продавались в крупных городах России только по талонам, в некоторых городах список таких товаров был расширен (в частности, в Волгограде на некоторое время в него вошел и картофель). Дефицит стал обыденным контекстом жизни советского человека, родовым признаком

распределительной системы плановой экономики. «Можно сказать, что потребительский дефицит в значительной степени определял формы организации быта простого советского человека. Очереди, «охота» за «выбрасываемыми» в розничную торговлю товаром, «колбасные поезда», закупки впрок, блат, сложные бартерные операции — лишь немногие приметы потребительского поведения в условиях дефицита» [2, с. 62].

Однако нельзя не отметить и то, что плановая экономика, основанная также и на распределительном принципе потребления, до середины 1970-х гг. обеспечивала минимальный уровень базовых товаров и услуг, снимая резкие социальные противоречия советского общества, не доводя его до маргинализации. В частности, сравнивая потребительские корзины 2009 и 1989 гг. (закат советской системы), следует отметить, что советский вариант является более социально защищенным: в перечне продуктов указывались виды мяса (в потребительской корзине 2009 г. в среднем 35 кг *мясопродуктов* в год в среднем на одного человека), в графе «Услуги» предусматривались расходы в денежном эквиваленте на цветы, кино, концерты, отдых, подарки, поездку в отпуск (потребительская корзина 2009 г. отводит на данные расходы 15% от объема потребления в среднем на одного человека без указания конкретных предметов потребления) [17]. Справедливости ради заметим, что большинство товаров и услуг советскому человеку приходилось «доставать», однако своеобразное «потребительское равенство» среди большинства членов советского общества, несомненно, существовало. А бесплатность или символическая стоимость многих видов социально важных услуг (здравоохранение, все уровни образования, детский отдых, санаторно-курортное лечение, обеспечение жильем и пр.) были символом социальной политики государства. «Великая идея» социализма заключалась в том, что со временем перечень практически бесплатных товаров и услуг будет расширяться и сможет охватить весь спектр потребностей людей, т. е. осуществится переход от принципа «каждому по труду» к принципу «каждому по потребностям».

Учитывая, что источником институциональных изменений является социальная активность масс, Б. С. Галдарев и Ж. М. Цинман замечают, что «перестройку, которая привела к распаду СССР и началу рыночных реформ, следует определять, прежде всего, как экономическую, а не политическую трансформацию. Косвенным подтверждением этого тезиса может служить резкий спад политической активности населения, который произошел после первой стабилизации рыночной экономики. Колбаса в магазинах не просто отодвинула в прошлое «колбасные» поезда, она примирила население с многочисленными политическими кризисами ельцинской России» [2, с. 64].

Переход России к рыночным институтам полон драматических последствий, самым тяжелым из них стало резкое расслоение социума на бедных и богатых. По различным данным, разрыв между доходами 10% самых бедных

и 10% самых богатых россиян колеблется от 14 до 24 раз. Если к моменту распада Советского Союза доля бедных составляла около 18%, то на пороге третьего тысячелетия в России 30-35% семей оказались за чертой бедности, еще около 25% семей — на грани этой черты. Сформировалась специфическая культура бедности, воспроизводящаяся в молодых поколениях [15, с. 385-398].

Как показывает исследование Н. В. Дулиной [3] экономического благополучия жителей Волгограда, в 2002 г. четверть волгоградцев располагала доходами, не превышающими прожиточный минимум, а 10% жителей получали около трети всех доходов жителей города, что, несомненно, сказалось на потребностях населения и статьях расходов семьи: 42% своего бюджета средняя семья тратила на продукты питания, вторая статья — коммунальные расходы (21%), на одежду и обувь уходило 12% бюджета семьи, 6,5% — на лечение и медикаменты. Остальные товары и услуги не занимали в бюджете семьи более 3%. Все это свидетельствует о низком уровне жизни и ограниченности потребления большинства волгоградцев на рубеже третьего тысячелетия.

Товарное изобилие дает возможность сегодня не заботиться о завтрашнем дне, однако, как показывает исследование потребительского поведения волгоградцев, устойчивые привычки жить впрок, экономно не исчезли и сегодня. Кризис 2008-2009 гг., согласно официальным источникам администрации Волгограда, меньше всего сказался на потребительском рынке: в 2009 г. на 27% вырос объем услуг по ремонту и пошиву обуви, на 22,9% — по ремонту и строительству жилья и других сооружений, на 15,7% — по ремонту и изготовлению мебели, на 7,1% — по ремонту и техобслуживанию автотранспортных средств [14]. Однако рост объемов реализации указанных бытовых услуг вызван в первую очередь необходимостью экономить на приобретении новых товаров, а также ростом стоимости товаров и услуг.

Противоречивая динамика российских изменений в социально-экономической сфере в последние десятилетия инициирует постановку проблемы оправданности демонтажа советской плановой экономики, коренных изменений в общественной и культурной жизни страны. Однозначного ответа на этот вопрос в науке нет. Ряд социологов, политологов и экономистов полагают, что смена планово-распределительной системы на рыночные механизмы в России прошла успешно, сегодня страна постепенно преодолевает негативные последствия прошлого и со временем может стать полноправным членом в сообществе высокоразвитых стран. Подобные взгляды свойственны либеральным исследователям. В то же время другие исследователи трансформационных процессов в России не столь оптимистичны в своих прогнозах, считая рыночные отношения и демократизацию общественных отношений не более чем имитацией (Т. И. Заславская, Ю. А. Левада): это не тот рынок и не та демократия, о которой было заявлено. В связи с этим под внешними изменениями скрываются прежние социальные практики, которые еще будут доминиро-

вать в российском обществе [12, с. 9]. Не случайно в Послании Федеральному Собранию (2009 г.) Президента России Д. А. Медведева преодоление отставания страны, примитивного сырьевого вида хозяйствования, развитие демократических свобод и обеспечение достойной жизни населения во всех ее проявлениях названы самыми актуальными задачами развития страны и в настоящее время. «Отечественная экономика должна наконец переориентироваться на реальные потребности людей» [6], — отметил Президент.

Существуют и диаметрально противоположные точки зрения на природу прошедших социально-экономических изменений. С одной стороны, либеральные изменения привели страну к катастрофе, к деградации, к разрушению всех основ жизни народа [5, с. 57]. С другой стороны, реформы были необходимы, но переход России к рыночным механизмам и демократическим основам так и не произошел (Ю. Феофанов, Б. Радоман), следовательно, сущность социетальной системы нашей страны осталась прежней.

О.Э. Бессонова [1] и С.Г. Кирдина [9] считают, что Россия в принципе не может стать страной демократии и рыночной экономики в западном понимании этих процессов, поскольку ей присуща принципиально иная институциональная матрица и произвольно изменить ее невозможно. По мнению исследователей, общество не может произвольно изменить социетальный генотип на противоположный, так как подобные смены происходят очень редко, чаще всего в результате внешних воздействий. Институциональная матрица любой страны складывается в результате исторического развития, поэтому для ее изменения требуется новый виток эволюционных преобразований, который займет неизмеримо много времени. Причем и О.Э. Бессонова, и С.Г. Кирдина утверждают, что любой исторически сложившийся тип матрицы может быть жизнеспособным и полнокровным. Так, с позиции «теории раздаточной экономики» О.Э. Бессонова считает, что хотя реформы в России были необходимы, но они должны были быть направлены не в сторону разрушения сложившегося типа общества (дистрибутивная экономика с высокой регулирующей ролью государства), а в сторону модернизации и повышения эффективности социально-экономических отношений в рамках сложившегося генотипа. Возможно, тогда бы страна не столкнулась со столь драматическим сценарием своего развития.

Согласно теории институциональных матриц С.Г. Кирдиной, современные общества делятся на два типа — X и Y. Стран X-матрицы (к ним относятся и Россия, и многие восточные страны, страны Латинской Америки) характеризуются раздаточным характером экономики, сильным центром, коммуитарной идеологией. Страны Y-матрицы (например, США, многие страны Западной Европы), напротив, сочетают в себе экономические институты рынка, институты федерации (построение общества снизу вверх) и идеологию доминирования Я над Мы. «Институциональная X- или Y-матрица со-

держит в себе генетическую информацию, обеспечивающую воспроизводство обществ соответствующего типа» [8]. В связи с тем, что в результате реформ в конце XX в. в России на вооружение были взяты признаки теории, заимствованные у западных стран, законы самоорганизации институциональной структуры в условиях коммунальной материально-технической среды были нарушены, а заимствованные элементы частью отвергнуты как неадекватные и социально неприемлемые для X-матрицы. В результате «управленческие воздействия и решения вступали с ними в противоречие, социальное напряжение возрастало, а хозяйство развивалось неоптимально» [8]. С. Г. Кирдина приходит к выводу, что «эволюционная модернизация современной переходной экономики России означает развитие присущего ей институционального порядка. Такая модернизация предполагает, что практикой найдены (и этот поиск активно продолжается) новые формы выражения характерных для институциональной X-матрицы Российского государства экономических механизмов. Институты редиистрибуции сохраняют и упрочивают свое лидирующее положение, при этом они «оплодотворяются» практикой рыночного реформирования. Элементы рынка репликативно дополняют российскую редиистрибутивную экономику» [8].

Активнее всего механизмы рыночной экономики проявляются в сферах торговли, общественного питания, индустрии гостеприимства, а также ремонта и обслуживания, т.е. в сфере услуг. Так как «хлеб и зрелища» всегда дозировано предоставлялись советскому потребителю, результаты рыночных нововведений в виде насыщения рынка всевозможной потребительской продукцией многими гражданами России оцениваются как несомненное достижение последних лет реформ. В то же время трансформация социальных и экономических отношений порождает своеобразную «разорванность сознания» (И. Г. Яковенко). Современное российское общество гетерогенно по своей сути: с одной стороны, в течение последних десятилетий сформировался слой адаптированных к современным условиям граждан (высокомодернизированные группы); с другой стороны, в социуме сохранился довольно многочисленный слой, пронизанный традиционными моментами и положенностями. «Растущий сегмент выброшенных из жизни, дезадаптантов, наглядно свидетельствует о том, что снятие политики государственного патернализма и «подмораживания» России оборачивается выделением широкого слоя «бывших» людей. Это не что иное, как неизбежная плата за динамику» [19, с. 28].

Подобная «разорванность культурного сознания» проявляется прежде всего в бытовых практиках акторов, в частности в потребительском поведении. Парадоксален тот факт, что россияне, в большинстве своем не самые обеспеченные люди в мире, умеют «жить красиво», «гулять на последние»; российскому потребителю не присуща привычка экономить, к примеру, на ресурсах — электроэнергии, воде, газе. С. Кара-Мурза в своей книге «Советская

цивилизация» описывает удивительный случай, когда, экономя на копеечных спичках, советский человек оставлял горящими на всю ночь газовые горелки [7]. Безграничный доступ к природным ресурсам запускает тотальную трансформацию потребительского сознания россиян: отсутствие привычки экономить становится и сегодня препятствием для установки счетчиков воды, газа, тепла в домах современных россиян. Коммунальные услуги дорожают, приближаясь к рыночной стоимости, однако у большинства наших сограждан даже не возникает желания учесть свое потребление природных ресурсов, при этом ростом цен недовольны все. Расточительность на фоне бедности — одна из черт российского образа жизни, сказывающаяся и на потребительском поведении, складывалась многие годы российской истории.

С одной стороны, потребности советского человека определялись функциональностью: бедность потребительского рынка заставляла человека приобретать товар надолго, учитывая его функциональные качества. «Знак качества», которым маркировались лучшие товары, гарантировали его функциональные свойства на долгие годы. В этом отношении потребительское поведение многих граждан не отличалось многообразием. С другой стороны, уже в советском обществе сформировалась социальная группа, ориентированная на символическое потребление — номенклатура, работники торговли, имеющие свободный доступ к товарам и услугам «не для всех». Отличительной чертой подобного потребления становится стремление утвердить свой социальный статус, идентифицировать себя с отдельной группой «избранных», «имущих», «допущенных». Обладание ограниченными, а порой и недоступными товарами и услугами сформировало в сознании советских людей убеждение, что подобное возможно лишь в результате неправового поведения, нарушения законов, блага. Этим объясняется и то, что современные россияне, бывшие советские люди, с настороженностью относятся к богатству других, считая, что оно может быть добыто только несправедливым путем. Памятные события «прихватизации» 1990-х гг. только упрочивают подобные убеждения. Более того, российская ментальность складывалась веками и основывалась на отрицании богатства, алогизме, нерасчетливости. Герои русских сказок, былин и православных летописей (Иванушка-дурачок, Емеля, русские богатыри, юродивые), персонажи Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, Н. А. Некрасова, М. Горького сформировали культурную традицию расточительности, свободы от материальных ценностей, праведной бедности, когда спасение души выше материального благополучия, социальной ответственности. Стремление к богатству всегда осуждалось в российском сознании, ценились блага, дарованные государем, обществом. «Цивилизационная особенность российского общества усугубляется вкладом в нашу историю советского ее периода, главные и наиболее инерционные следы которого, сохраняющие свое влияние, — это патерналистские чаяния людей, сила коллективизма (прежде — общинности) и неприятие выраженного индивидуализма, приоритетная ценность со-

циальной справедливости и презрительно-завистливое отношение к «новым русским». Вместе с тем вековая история и семидесятилетие после октября 1917 года сформировали мощный слой населения, уповающего на судьбу, живущего по принципу «как повезет» и психологически самоопределяющихся в социальном мире по формуле «я — простой человек», «от меня мало что (ничего не) зависит» [18], — отмечает и В. А. Ядов.

Переход к рынку заставил бывшего советского человека самостоятельно заботиться о своем благополучии, искать новые пути для удовлетворения своих потребностей. Крах государственной распределительной системы и неспособность большинства граждан России быть конкурентоспособным рынке труда (а значит, и получать достойную заработную плату) привели к возвышению базовых потребностей, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность человека. Широкие возможности банковского кредитования позволили россиянам отказаться от потребительской практики накопления в пользу потребления в долг. В частности, Центробанк РФ в 2005-2006 гг. отметил превышение роста потребительских расходов над темпами роста доходов: в 2005 г. доходы населения выросли на 8,8%, а потребительские расходы — на 10,7%. Сократились и сбережения граждан: в 2005 г. по сравнению с 2004 г. доходы сократились на 1,5% [6].

В последние годы наметилась некоторая стабилизация как в общественно-политической, так и в экономической сфере жизни российского общества. Несомненно, экономический кризис 2008-2009 гг. подкорректировал некоторые положительные сдвиги, однако, как уже отмечалось, он меньше всего сказался на потребительском рынке. Социальное расслоение сохраняется и в потреблении: активизируется процесс сопоставления гражданами своего уровня жизни с уровнем потребления. Согласно исследованию, проведенному Волгоградским центром «Аналитик» в июле 2009 г., 13% волгоградцев декларируют стратегию сбережения (сначала откладываем, потом тратим), в то же время в группе обеспеченных граждан подобных ответов 23%, среди тех, кто имеет вклады в банках, — 21%, среди имеющих непогашенные кредиты — 10% [16]. Несмотря на некоторую стабилизацию значений большинства показателей социального самочувствия волгоградцев, индексы покупательской активности остаются противоречивыми.

Библиографический список

1. *Бессонова О.Э.* Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999.
2. *Гладарев Б., Цинман Ж.* Потребительские стратегии петербургского среднего класса: из экономики дефицита к новому быту // *Экономическая социология*. 2007. Т. 8, № 3.

3. Дулина Н. В. Город в трансформирующемся обществе: методология и практика исследования/под общ. ред. проф. З. Т. Голенковой. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006.
4. Заславская Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: учеб. пособие. М.: Дело, 2004.
5. Зиновьев А. А. Посткоммунистическая Россия: 1991-1995 гг. М.: Республика, 1996.
6. Каледина А. Россияне потребляют сверх меры // Финансовые известия. 2006. 2 марта. URL: www.izvestia.ru
7. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
8. Кирдина С. Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация. URL: <http://kirdina.ru/public/31okto04-01/index.shtml>
9. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
10. Лапин Н. И., Беляев А. А. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М.: ИФ РАН, 1994.
11. Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
12. Левада Ю. А. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российской трансформации // Экономические и социальные перемены в России: мониторинг общественного мнения. 2003. № 1.
13. Медведев Д. А. Послание Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>
14. Официальный информационно-справочный портал Волгограда <http://www.volgadmin.ru>
15. Тапилина В. С. Социально-экономические неравенства: причины богатства и бедности // Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1999.
16. Финансовое поведение и финансовая грамотность жителей Волгограда: аналитический отчет по результатам исследовательского проекта «Волгоградский Омнибус» — 9/07. Волгоград, 14 сентября 2009 г.
17. Электронный ресурс. URL: http://shkolazhizni.ru/img/continent/i73/73365_or.jpg
18. Ядов В. А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Альманах «Восток». № 103. URL: http://www.situation.ru/app/j_artp_499.htm
19. Яковенко И. Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс-Традиция, 2006.